

ПРОБЛЕМА «ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО РАЗУМА» В ФИЛОСОФИИ ТЕОДОРА АДОРНО

В 1947 г. Адорно и Хоркхаймер опубликовали философские фрагменты под программным заголовком «Диалектика Просвещения», в которых была представлена их общая в то время позиция понимания ключевых проблем общества. Наряду с разоблачением воинствующей формы социального мифа, которую принес фашизм, они критикуют Новое время как эпоху прогрессирующей рационализации мира, вскормленную иллюзией о якобы объективно и независимо становившемся разуме. Таковым, считали авторы, стремится предстать субъект, добывающий своей автономии по отношению к природе и обществу. К вопросу о правомерности этого притязания Адорно будет снова обращаться в «Негативной диалектике» и «Эстетической теории». В данных работах получит дальнейшее развитие развернутая им ранее совместно с Хоркхаймером концепция рациональности.

Одна из центральных идей концепции рациональности Адорно — идея об «инструментальном разуме». В монографии, посвященной Адорно¹, профессор истории Калифорнийского университета М. Джей выделяет две причины, позволяющие философу рассматривать разум как «инструментальный». Первая причина была обусловлена основополагающим в период действия товарно-денежных отношений принципом обмена, по которому все сводится к абстрактному эквиваленту всего, иначе говоря, служит универсальному обмену. Или, переложив на адорновские термины, можно сказать, что принцип обмена приводит к втискиванию качественно различного и «нетождественного» в форму количественно «тождественного». Одной из наиболее значительных жертв этого, свидетельствует Джей, был феномен индивидуального, подпадающего у Адорно под категорию абсолютно «не-тождественного», который обрел себя во время героического периода буржуазной эпохи. «Нетождественное — то, что не уступает себя понятию, дезавуирует в-себе-бытие этого понятия и изменяет его»². Категорией «не-тождественного» выражается, по сути дела, смысл адорновского «первоначала». При этом уже акты простейшего абстрагирования и элементарного понятийного осмысления, производящие нивелировку и подчинение разнородного многообразия однородному единству, а стало быть, и сама наука и связанная с ней техника выступают инструментами и механизмами действия закона, который показательно родствен господствующему принципу тоталитарной силы в политическом смысле. То, что он может стать жизнеугрожающим, обнаружилось не в последний раз, как считали Адорно и Хоркхаймер, в тирании национал-социализма. Второй причиной, позволявшей Адорно рассматривать разум, несущий непроизвольный деструктивный эффект, в инструментальном плане являлась, по Джею, связь разума с господством над природой. Поскольку природный мир был сведен к области родовых (заменяемых) сущностей (вещей), чьи качественные различия были принесены в жертву во имя научного контроля, господство объектов подготовило почву для осуществления сопоставимого господства субъектов через механизм овещствления, фетишизации результата любой человеческой деятельности, включая и мыслительную, познавательную. И это вновь означало подавление разнородности во имя тождественности. «Однажды радикально отделяясь от объекта, — писал Адорно, — субъект сводит его к своей собственной мере; субъект поглотил объект, забывая, как долго он сам являлся объектом»³. Как утверждалось в «Диалектике Просвещения», господство внешнего природного мира, получившееся в результате человеческой первобытной включенности в природу, было преодолено и забыто, но именно оно привело к контролю над внутренней человеческой природой и, в конечном счете, над социальным миром также. Фашизм, доказывали Адорно и Хоркхаймер, может быть частично понят как возвращение репрессированного человеческого прошлого и месть угнетенной природы.

Обоснованию двух вышеизложенных мотивов концепции «инструментального разума», которые сходятся на узаконивании систем господства в обществе и общественном сознании, Джей предпосылает в качестве своего

рода предыстории идею об оппозиции более субстанционального и синтетического разума, который германский идеализм называл Vernunft и аналитического рассудка Verstand. Высший синтетический разум Vernunft, бывший воплощением старой идеалистической мечты, разделяемой и определенными представителями западного марксизма, «померк», как сказано в заглавии опубликованной одновременно с «Диалектикой Просвещения» книги Хоркхаймера⁴, противопоставленный аналитическому интеллекту понимания. Оппозиция двух разумов неосторожно продуцируется самим «просвещением», под которым франкфуртцы понимали не определенный этап в истории развития общества, а последовательную рационализацию мира в субъективно-инструментальном смысле, ведущую к овладению природным началом не только вне человека, но и в нем самом. В процессе ее человеческий разум опускается до слепой процедуры формального автоматизма, осуществляемой им исключительно в поле действия самого себя.

Это происходит по мере того, как человеческий разум, одновременно с установлением первой формы, очерчивает необходимые относительные систематические рамки, внутри которых он интегрирует все продукты своего рода производительной деятельности. Такие относительные рамки создаются внесением некоего первого принципа всей формы, из которого, согласно логическим максимам единогласия и непротиворечивости, может быть образован полный универсум отдельных форм. На внесении разумом «заглавного Первого и из него Производного» базируется господство первого принципа над всеми порожденными им самим формами сознания. Они уподобляются всего лишь слепым носителям функций некоего целого, которое зиждется не на приближительности истины, а на претензии на господство своего «заглавного Первого». Так, по убеждению Адорно и Хоркхаймера, человеческое мышление вынуждено подчиняться закону абсолютной доминанты первого принципа всего познания над своими особыми формами. Это утверждает, по их убеждению, во всех философских системах от Парменида до Гегеля.

В работе «К метакритике эпистемологии» Адорно отметил, что уже в ходе поисков древними философами самого «первого начала», «первого принципа» происходило подчинение многого единому, нетождественного тождественному, недуховного — духу, т. е. всего того, что на самом деле ему вовсе не подвластно и инородно. Уже само по себе «первое» «принадлежит словесному ряду», а значит, трансформируется в инструмент подчинения качества количеству, абстрактно-одномерному числу. «Даже элейское понятие единого, — утверждал Адорно, — которое должно быть единственным, становится понятным только по отношению к многому, которое оно отрицает». В свою очередь, «многое» делается «посредником между логическим сознанием как единством и тем хаосом, в который превращается мир в тот момент, когда сознание противопоставляет ему себя»⁵.

Необходимость возведения искусственного мира форм, где была бы действительной исключительно максима правильности, первоначально обуславливалась коллективной борьбой людей за существование, главным образом, борьбой с природой. Так родились искусственные миры языка и математики. Однако со стихийным стремлением «к самосохранению» человеческий разум вводит универсальное табу на все, что избегает понятийной дефиниции и обозначения каким-либо установленным человеком термином. Безымянность, которая, как отмечает в своей статье немецкий ученый А. Рекерман⁶, соединялась у Адорно и Хоркхаймера с божественной реальностью Яхве в традиции иудейской религии, остается вне мира человеческого разума накрепко закрытой, означая единственно «голое понятие Снаружи». Получается, что безымянное «Снаружи» стилизуется под хаос, а затем реализуется в самовольно присвоенной аналогии с божественным Творцом мира в контексте обозримых размеров.

Итак, продуктом деятельности человеческого разума в процессе рационализации, сопровождаемой максимальным усилением притязаний человеческих субъективированных представлений на неограниченную законность, предстает им самим образованный мир ограниченных форм, отличающийся полным отсутствием индивидуальных форм. Они выступают инструментами приспособления и подчинения окружающей реальности. Человеческий разум тем самым делается виновником неформальности

действительности, потому что, руководствуясь этим особым качеством, он обделяет недеформированную действительность. Отсюда следует центральный содержательный тезис книги Адорно и Хоркхаймера, по которому «основополагающая деятельность разума состоит не в чем ином, как в установлении во в себе консистентном мире ограниченных форм, которые неизбежно обусловлены связью с виной»⁷.

Конечно, необходимо учитывать, что «Диалектика Просвещения» строилась как критика основ и конкретных законов мышления, которые нашли свое, разоблачаемое авторами осуществление в национал-социализме. Отсюда печать пессимизма на их восприятии достижений человеческого разума. Справедливо критикуя просвещенческую идею предзаданности постоянного совершенствования человеческого рода, унаследованную Гегелем, они пришли к мысли, что вся наука и весь разум неразрывно связаны с господством над природой, следовательно, внутренне связаны с господством. Но, как отмечает в своей книге профессор философии Техасского университета Д. Келлнер, «подобная позиция уравнивает объективизацию с реификацией, оставляя в тени социальные факторы, посредством которых определенные формы науки, технологии и мысли служат интересам господства»⁸.

Вместе с тем в «Диалектике Просвещения» уже явно просматривается и модель истины, что само по себе даже превосходит интенцию философской критики фундамента тоталитарной власти. Ее пониманию будет способствовать как опубликованная в 1948 г. «Философия новой музыки» Адорно, которую автор не без основания называл «расширенным дополнением» «Диалектики Просвещения», так и все его многочисленные работы по искусству, особенно уже упомянутая «Эстетическая теория». Согласно Адорно, контробраз обозначенному миру в себе фиксированных форм обнаруживается только в авангардистском искусстве. Оно впредь делает ставку на «отключение кнопок самосохранения»⁹ универсального формопринципа, так как реализует принцип единства, который определяется не абсолютным господством над своими частями. Скорее, в искусстве, в частности в музыке А. Шенберга, А. Берга и А. Веберна, форма будет строиться таким образом, что каждая «часть» в равной степени явится носителем смысла «целого», так что это «целое» выразится в свободных и взаимных процессах сопряжения между своими «частями». Тот, кто распознает внутреннюю логику произведений авангардистского искусства, получит в качестве выигрыша фундаментальное «потрясение» своего нормального миропонимания, инфильтрированного из общественно признанного принципа власти. В искусстве ему откроется ограниченность какой-либо жизненной формы, объективной существованием только условиям своего сохранения. Однако этот опыт может дать лишь искусство, которое само, в свою очередь, возвращается в некоей «собственной закрытой в себе сфере»¹⁰ и тем самым отмежевывается от всего окружающего мира. Поскольку форма в искусстве вынуждена подняться против в основе своей по-другому устроенного мира, она также терпит поражение из-за необходимости самосохранения. Успех ее может оплачиваться только отречением от действия в обществе и политике. Создаваемые искусством моменты, в которые субъект будет «обладать реальной возможностью» «снять в себе свое самосохранение», являются поэтому не мгновениями действительно состоявшейся жизни, а только проявлениями меланхолической «памятливости» на ту безмянную реальность, в которую эстетически продуктивному субъекту прочный, открывающий большие перспективы доступ тоже запрещен. Сама форма в искусстве, таким образом, остается пойманной в некус «взаимосвязи вины и наказания, неизбежной ошибки и тщетной корректуры»¹¹.

И все же, благодаря «памятливости» и восприимчивости к природной красоте, мы, говоря словами Г.-Г. Гадамера, «можем заново вспомнить, что в произведении искусства познаем вовсе не то, о чем говорится языком искусства. Познаем же мы неопределенность отстраненности, с которой обращено к нам современное искусство и которая наполняет нас сознанием многозначительности, исключительности всего находящегося перед глазами»¹². Следовательно, искусство, приводя человека к прозрению относительно ограниченности какой-либо жизненной формы, в своем весьма сильном отрицании субординации природы — мысли, дела — духу создает

мерцание утопической модели, к которой человечество, вопреки всему, могло бы когда-нибудь прийти.

¹ Jay M. Adorno. Cambridge; Massachusetts, 1984.

² Adorno Th. W. Negative Dialektik. Frankfurt am Main, 1966. S. 140.

³ Adorno Th. W. // The Essential Frankfurt School Reader. New York, 1978. P. 499.

⁴ Horkheimer M. Eclipse of Reason. New York, 1947.

⁵ Adorno Th. W. Zur Metakritik der Erkenntnis-theorie. Stuttgart, 1956. S. 17; 18.

⁶ Reckermann A. // Zeitschrift für philosophische Forschung, 1988. Bd. 42. H. 3. S. 421.

⁷ Ibid., S. 419.

⁸ Kellner D. Critical Theory. Oxford, 1989. P. 89.

⁹ Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1970. Bd. VII. S. 103.

¹⁰ Ibid. Frankfurt am Main, 1981. Bd. III. S. 35.

¹¹ Adorno Th. W. Ästhetische Theorie. S. 364; 348.

¹² Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 297.